

Цэнь Цзибай с улыбкой покачал головой, достал всё золото, что было при нём, и положил его на пелёнки ребёнка. — В следующий раз принесу тебе амулет долголетия.

Девочка обрадовалась, забормотала что-то на своём детском языке и замахала ручонками. Цэнь Цзибаю это понравилось, и он с улыбкой сказал:

— Ты уже умеешь говорить, да? Ну что, скажи «дядя», и я распоряжусь, чтобы твой отец в будущем передал тебе все свои дела.

— Нельзя, никак нельзя, — поспешно вмешался Ли Му, забирая дочь. — Ваше высочество, ваше положение слишком высоко, ребёнок не должен нарушать иерархию.

Цэнь Цзибай лишь улыбнулся в ответ, но слова о «рангах и иерархии» всегда задевали его. Мысль об амулете долголетия пришла ему в голову, потому что в прошлой жизни Линь Цзинь заранее готовил такие вещи для своих детей.

Но лучше было не думать о Линь Цзине. Ведь у него тоже будет жена и дети, и он, наверное, с радостью будет готовить амулеты долголетия и другие детские игрушки, и, возможно, тоже будет говорить о «рангах». Цэнь Цзибай, который вышел из дворца, чтобы развеяться, теперь чувствовал ещё большее раздражение.

Он умел хорошо скрывать свои эмоции, но на этот раз его раздражение было слишком сильным, и он не хотел портить атмосферу в этой счастливой семье.

С трудом обсудив с Ли Му дела лавок и уточнив детали о царстве Юй, Цэнь Цзибай попрощался.

Ли Му проводил его до ворот и долго смотрел вслед уезжающей конной повозке, погрузившись в размышления.

— На улице холодно, — сказала Сусинь, заметив, что он долго не возвращается.

Она подошла к воротам и, увидев его задумчивым, вздохнула. — Не хочешь объяснить?

— Не хочу говорить, — ответил Ли Му, очнувшись.

Услышав детский лепет Сунянь в доме, он немного повеселел. Неприятные мысли он предпочёл оставить в прошлом.

Цэнь Цзибай, выйдя из дома Ли Му, брёл без цели и неожиданно оказался у знакомой северо-западной закусочной. Он вышел из повозки и уже собирался войти, когда А Инь тихо сказал:

— Разве это не второй господин Линь?

Действительно, Линь Ду, шатаясь, спускался с лестницы.

Он, казалось, был пьян, и рядом с ним никого не было. Цэнь Цзибай кивнул, и А Инь подошёл, чтобы поддержать его.

Линь Ду узнал А Иня, и, мельком взглянув на него, он оттолкнул его и направился к Цэнь Цзибаю. Цэнь Цзибаю пришлось поддержать его, услышав невнятное бормотание.

Цэнь Цзибай не разобрал, что он сказал, и спросил:

— Что ты говоришь?

На этот раз Линь Ду произнёс громче и чётче:

— Бе-ло-гла-зый!

Его слова привлекли внимание посетителей закуской.

Линь Ду продолжал кричать:

— Белоглазый! Белоглазый!

Цэнь Цзибай, под пристальными взглядами окружающих, пытался вывести его из закуской, но пьяный Линь Ду сопротивлялся и тянул его обратно вверх.

Цэнь Цзибай не понимал, что тот задумал, но, так как сегодня у него не было других дел, он решил узнать о состоянии Линь Цзиня и последовал за Линь Ду на второй этаж.

В отдельной комнате, которую любила семья Линь, остались несколько пустых кувшинов вина, а закуски были нетронутыми.

Едва они сели, Линь Ду начал требовать вина и дёргать Цэнь Цзибая за рукав, словно боясь, что тот уйдёт.

Цэнь Цзибай не собирался никуда идти. Он был в плохом настроении, и выпить ему не помешало бы, главное — не напиться. Но нужно было узнать кое-что. — Как ты так напился?

Линь Ду уставился на Цэнь Цзибая и снова произнёс:

— Бе-ло-гла-зый.

Цэнь Цзибай не понимал:

— О ком ты говоришь?

Вряд ли Линь Ду мог назвать так Цэнь Цзибая. Ведь именно Цэнь Цзибай спас ему жизнь.

— Бесчувственный! — пробормотал Линь Ду.

В этот момент подошёл слуга с вином, услышав его слова, и странно посмотрел на Цэнь Цзибая.

Цэнь Цзибай уже начал смеяться от раздражения. Этот человек, похоже, не понимал, с кем разговаривает. — Я тебя чем-то обидел?

— Ты! Это ты! Подобрал... и бросил... — Линь Ду схватил кувшин и сделал несколько глотков, затем с горечью сказал:

— Бесчувственный, даже ребёнок есть, а мне не сказал. Обманул, заставил работать... подлец.

Цэнь Цзибай почувствовал, что услышал то, чего не должен был.

Линь Ду и Ли Му... это... вряд ли было возможно.

Как в прошлой жизни, так и в этой, Ли Му не раз говорил о необходимости ослабить влияние

знатных семей и вернуть контроль над северными землями.

Ли Му, казалось, испытывал глубокую неприязнь к знатым семьям. Но его идеи об ослаблении их влияния и укреплении власти правителя были разумны. Нынешняя ситуация в царстве Ся во многом сложилась из-за борьбы знатных семей за власть, а правитель Ся был не в состоянии это остановить.

Линь Ду, продолжая пить, хотел налить вина Цэнь Цзибаю, но тот поспешно взял другой кувшин и налил себе сам.

— Три чаши! — закричал Линь Ду. — Сначала выпей три чаши, ты негодяй.

Цэнь Цзибай не хотел спорить с пьяным, но быть незаслуженно обруганным было неприятно. — Что ты на меня сваливаешь из-за Ли Му?

Он сам не заметил, что был особенно терпелив не только с Линь Цзином, но и с его семьёй.

Линь Ду, похоже, не мог слышать имя Ли Му. Он схватил чашу Цэнь Цзибая и начал наливать ему вино, одну чашу за другой, ровно три.

Цэнь Цзибай поперхнулся, а Линь Ду продолжал:

— Ты виноват, негодяй... Сяо Цзинь тоже не возвращается, он не хочет меня видеть...

Цэнь Цзибай, услышав о Линь Цзине, сразу заинтересовался:

— Что с третьим братом?

Линь Ду взглянул на него и закричал:

— Три чаши, три чаши!

Цэнь Цзибай быстро выпил три чаши, но Линь Ду сказал, что этого мало, и налил ещё три. Вино было крепким, а Цэнь Цзибай пил быстро, и он уже начал пьянеть. Но он хотел узнать о Линь Цзине, поэтому без колебаний выпил ещё три чаши и снова попытался выведать у Линь Ду информацию.

— Не хочу его, обманщик, — бормотал Линь Ду.

Цэнь Цзибай предположил, что он говорит о Ли Му. Хотя Ли Му был хитроумным, он вряд ли мог обмануть в чувствах. Да и Линь Ду, человек умный и расчётливый, вряд ли мог стать жертвой обмана. — Как он тебя обманул?

— Он даже не сказал, что женился, он... — Линь Ду покачал головой, больше не находя слов.

Любить кого-то — это как посадить семя в сердце, ждать, пока оно прорастёт, зацветёт и принесёт плоды. Но семя, которое он посадил с Ли Му, даже не проросло, оно погибло. Это было невыносимо.

— Я жду его возвращения, хм... — Линь Ду снова сделал глоток вина, бросил пустой кувшин и взял следующий.

Неразделённая любовь заставила Цэнь Цзибая почувствовать тоску. Даже расспросы о Линь Цзине он временно отложил.

Ведь что толку в расспросах? В конце концов, они не могут быть вместе. Цэнь Цзибай не хотел ограничивать Линь Цзиня и не желал, чтобы тот стал его слугой. Его брак с царством Юй принесёт царству Ся несколько лет спокойствия.

Теперь он и Линь Ду оказались в одинаковом положении.

Цэнь Цзибай обычно старался не напиваться, ведь в его сердце было слишком много тайн, и он боялся, что, напившись, проболтается о чём-то лишнем. Как Линь Ду, который, будучи трезвым, никогда бы не рассказал о Ли Му. Но, думая о Линь Цзине, Цэнь Цзибай чувствовал особую боль. В последнее время он и так был в плохом настроении, а теперь, с пьяным собеседником, он выпил больше, чем планировал.

Опьянение усиливалось, и он терял контроль, выпивая быстрее Линь Ду. Он дважды просил слугу принести ещё вина.

Когда А Инь понял, что что-то не так, и вошёл, Линь Ду всё ещё продолжал пить, а Цэнь Цзибай уже был пьян и лежал на столе.

А Инь сначала помог Цэнь Цзибаю, а слуга закусочной поддержал Линь Ду, и они вместе спустились вниз.

Линь Ду, хотя и пьяный, не отпускал Цэнь Цзибая и настаивал, чтобы тот поехал с ним.

Линь Ду был не совсем трезв, но и не совсем пьян. Увидев, что Цэнь Цзибай в замешательстве сел в повозку, он также забрался внутрь. Он упал на сиденье и приказал А Иню ехать в переулок Коричника на востоке города.

Переулок Коричника был узким, и своё название он получил из-за двух коричных деревьев у входа. В августе, когда деревья цвели, аромат корицы наполнял весь переулок. Жители переулка также любили сажать коричные деревья, собирали их цветы, сушили и использовали для чая или вина. Это был тихий и уютный переулок.

<http://bllate.org/book/15933/1424179>